

Проект Бородинского памятника в Москве

1865 год. Время царствования императора Александра II, коронованного в Успенском соборе Московского Кремля в День Бородина, 26 августа 1856 г.

1865-му году предшествовала цепь выдающихся событий российской истории. 1861 г. ознаменовался отменой крепостного права. В 1862 г. 1000-летие России было отмечено открытием грандиозного памятника в Новгороде. В 1863 г. Александр II полностью отменил все виды телесных наказаний. В 1864 г. были обнародованы «Положение о губернских и уездных учреждениях» и новые судебные установления, сделавшие всех равными перед законом; были урегулированы очередные польские события и завершилась многолетняя Кавказская война. Это было время подъема национального самосознания и либерально-демократических преобразований в России.

К 1865 г. на Бородинском поле красовался главный памятник на батарее Раевского. На Девичьем поле Москвы с 1813 г. существовала церковь в честь Святых отцов 7-го Вселенского собора и в память изгнания неприятеля из первопрестольного града. В ней хранилось несколько уцелевших икон разрушенной оккупантами на том же месте церкви во имя св. Иоанна Предтечи. Уцелевшие от пожара и поругания иконы, ставшие памятниками, были установлены во многих возобновленных московских церквях и часовнях.

В Новодевичьем монастыре появился придел в честь апостола Иакова в память избавления монастыря от разрушения в 1812г. В Охотном ряду уже более 40 лет продолжалась служба в восстановленной церкви Параскевы Пятницы, в которой были установлены 14 икон с ликами святых, праздники которых совпадали с днями основных битв 1812-1814 гг. Это превратило церковь Параскевы Пятницы в определенной степени в предшественницу храма Христа Спасителя как памятника воинской славы.

Героические мотивы 1812 г. отразились в московской садово-парковой архитектуре: в оформлении ворот и грота Александровского сада, а также ротонды Нескучного сада. Эти же мотивы видны и сегодня в отделке уцелевших особняков городских дворянских усадеб, как, например, в горельефах фасада дома генерала М.С.Лунина на Никитском бульваре.

Об изгнании неприятеля напоминали центральное паникадило Успенского собора в Кремле, сделанное из отбитого у наполеоновских грабителей серебра; образ святого Николая, помещенный на восстановленных после взрывов Кремля Никольских воротах, и звон заново отлитого Большого колокола на воссозданной Петроковской звоннице колокольни Ивана Великого.

К пятилетию победы над Наполеоном на Красной площади открылся памятник К.И.Минину и Д.М.Пожарскому, а на Моховой — Манеж. Усадьба А.А.Закревского «Студенец» украсилась шестью обелисками, среди которых были памятники М.Б.Барклаю де Толли и П.М.Волконскому, и Октогоном. У Тверской заставы взметнулись Триумфальные ворота с чугунной оградой и кордегардиями. На Измайловском острове встали подобно бастионам корпуса богадельни, первыми поселенцами которой стали ветераны наполеоновских войн. Памятные доски Георгиевского зала Большого кремлевского дворца украсились именами кавалеров 1812-1814 гг. Еще деревянный бывший Дорогомиловский мост уже носил имя Бородинского. А в деревне Фили, недалеко от Дорогомиловской заставы, еще стояла подлинная изба крестьянина А.С.Фролова, в которой 1 сентября 1812 г. состоялся знаменитый Военный совет, решивший участь Москвы и России. Вдоль стен Кремлевского арсенала заняли отведенные места 875 трофейных стволов, предназначавшихся для сооружения несостоявшегося памятника победы России в Отечественной войне 1812г.

У Пречистенских ворот уже четверть века продолжалось возведение грандиозного храма Христа Спасителя — памятника торжества православного российского воинства и народа в борьбе за национальную независимость и государственную самостоятельность Отечества. Завершилась наружная отделка храма и началась шпукатурка внутренних стен. Понадобится еще 18 лет, чтобы храм предстал взорам молящихся во всей своей красе и чтобы на его памятных досках золотыми буквами была выбита летопись военных событий 1812-1814 гг., включая и Бородинское сражение.

Именно в этот период общественного подъема член Императорского русского Общества акклиматизации животных и растений, действительный статский советник С. А. Маслов выступил с предложением о сооружении в Москве памятника Бородинской битве. Ряд документов об этом сохранился в Центральном Историческом архиве Москвы.

Итак, в начале 1865 г. Маслов обратился к покровителю Общества великому князю Николаю Николаевичу - старшему с просьбой «принять под свое покровительство мысли о сооружении в Москве на Красной площади на добровольные пожертвования памятника в воспоминание Бородинского сражения». Великий князь, «сочувствуя этой патриотической мысли», переслал доклад с пояснительной запиской министру внутренних дел, статс-секретарю, тайному советнику П. А. Валуеву для доклада императору.

Поскольку Маслов предлагал, «чтобы при Бородинском памятнике в Москве совершать поочередно иноками

Лужецкого монастыря панихиды об упокоении воинов, павших в Бородинском сражении», министр внутренних дел попросил обер-прокурора Святейшего Синода, члена Государственного совета, гофмейстера и сенатора графа Д. А. Толстого рассмотреть материалы Маслова.

Обер-прокурор переслал материалы Маслова на отзыв московскому митрополиту Филарету, который уже в марте 1865 г. сообщил свои соображения не только синодальному обер-прокурору, но и московскому военному генерал-губернатору, генералу от инфантерии М. А. Офросимову. Отзыв высокопреосвященного Филарета завершался словами: «...Проект Бородинского памятника-часовни в Москве, при существовании уже здесь важнейшего царственного памятника, то есть храма Христа Спасителя, излишен и в многих других отношениях к исполнению неудобен».

Что же это были за «другие отношения»? Во-первых, как отмечал Филарет, «есть на поле Бородинской битвы государственный памятник... есть там же религиозный памятник — Спасо-Бородинский монастырь с благолепным храмом (речь, конечно, идет о Владимирском соборе, освященном в 1859 г.); есть еще в Москве важнейший памятник, религиозный и вместе царственный, храм Христа Спасителя... есть еще в Москве священный и величественный живой памятник, с неоскудевающим благочестивым усердием чтимый православным народом, — это крестный ход в день изгнания французов из Москвы, совершаемый... кругом всего Кремля. После сего нельзя сказать, что чего-нибудь недостает и что-нибудь еще нужно».

Во-вторых, «в проекте предполагается, что памятник-часовня привлечет к себе народ для поминовения убиенных на брани. Это не верно. Не патриотическим чувством, а благодатно и верою привлекается народ к часовням, видя примеры, что молящиеся в них пред святыми иконами получают исцеления и другие благодеяния Божий. Как нельзя обнадеживать, что в преднамеряемой часовне будут совершаться особенные благодатные действия, так нельзя обнадеживать, что она привлечет к себе народ. Что касается до поминовения усопших, оно... не совершается в часовнях, а в церквах... потому что литургия в часовнях совершаться не может».

В-третьих, «памятник-часовня предназначается в пользу Спасо-Бородинского монастыря. Неприлично монашине сидеть на ступенях часовни, стеречь ее и ждать посетителей и вкладчиков».

В-четвертых, «неприлично, чтобы при часовне были вместе монахи и монахини. Лужецкий монастырь (в Можайске. — А.С.) скудный числом братии не может отделять в Москву к часовне для служения три или четыре человека. Для служащих в часовне нужны при ней кельи, что неуместно было бы на Красной площади».

В-пятых, «на Красной площади есть уже две часовни. По строению третьей представляло бы избыток». Речь идет о двух часовнях у Спасских ворот Кремля — в память Христа Спасителя и Божией Матери.

Г

В-шестых, в Москве было решено воздвигнуть храм-памятник крестьянской реформе, однако сбор средств шел медленно. «Сочувствия предполагаемому памятнику, без сомнения, будет гораздо меньше, — писал Филарет. — И не должно от предпринятого важного дела отвлекать внимание народа к другому менее важному, тем паче, что памятников 1812 года есть уже довольно».

Получив мнение обер-прокурора Синода, а фактически митрополита Филарета, министр внутренних дел довел его до великого князя Николая Николаевича, который познакомил с ним тайного советника Маслова. После этого Маслов во изменение первоначального замысла предложил «соорудить отечественный военный памятник», а не памятник-часовню. К пояснительной записке он приложил «сочувственные к его мысли отзывы Бородинских героев и их потомков» и вновь ходатайствовал о разрешении воплотить уточненный проект на собранные пожертвования.

Материалы Маслова снова попали к министру внутренних дел, и он доложил их императору в конце 1865 г. «Государь Император изволил отозваться, что в память Бородинской битвы уже сооружен памятник» и предложил Маслову объединить идею Бородинского памятника с сооружением храма Христа Спасителя в Москве. По указанию императора министр внутренних дел попросил московского генерал-губернатора сообщить свое заключение на предложение Маслова. Решение императора было сообщено и Маслову.

Судя по письму Маслова новому московскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту князю В. А. Долгорукову, автор предложения не согласился с мнением императора. Более того, со своей идеей памятника Маслов познакомил академика архитектуры — младшего помощника главного архитектора храма Христа Спасителя, надворного советника И.А.Рязанцева и академика скульптуры — Н.А.Рамазанова, не состоявшего на службе при Императорской Академии художеств. Однако об их мнении Маслов умолчал в письме к Долгорукову и предлагал привлечь к рассмотрению своего замысла академиков архитектуры и, в частности, М.Д. Быковского, создавшего неповторимый Владимирский собор Спасо-Бородинского монастыря. Маслов полагал, что «мнение академиков архитектуры и ваения может дополнить исторический взгляд на события для памятника и выразить проект его на рисунке, сообразно с местом, для него избранным, с обширностью площади и обстановкою существующих уже на ней — зданий». Более того, Маслов предлагал Долгорукову принять активное участие в сооружении памятника. Однако письмо свое московскому генерал-губернатору Маслов закончил так: «Да исполнится воля Царя воздвигнуть Московский памятник 12-го года вместо Бородинского». Складывается впечатление, что Маслов в итоге согласился с мнением Александра II не возводить в Москве

памятника Бородинскому сражению.

В ответе министру внутренних дел от 29 апреля 1866 г. московский генерал-губернатор писал: «...Я нахожу основную мысль г(осподина) Маслова...глубоко патриотической и не встречаю препятствия к осуществлению ее по выработанным им предложениям». К своему письму Долгоруков приложил и подправленные Масловым, но так и не снабженные эскизом или рисунком памятника, предложения, которые снова были рассмотрены Министерством внутренних дел.

Вскоре граф Валуев резонно сообщил московскому генерал-губернатору, что, как видно из пояснительных записок Маслова, «он остается при прежней мысли насчет сооружения в Москве памятника в воспоминание Бородинской битвы 1812 года», поэтому нет «достаточных поводов» для повторного доклада императору предложения тайного советника Маслова.

На этом вопрос о возведении в Москве особого памятника Бородинской битве был закрыт, но память продолжают хранить документы исторического архива Москвы. К сожалению, каким виделся С.А. Маслову Бородинский памятник на Красной площади, мы так никогда и не узнаем, но этот неосуществленный ник навсегда вошел в летопись Москвы.

Источники и литература

1. ЦИАМ, ф.16, оп.24, ед. хр. 507, лл. 1-15 об.
2. Адрес-календарь... на 1865-1866 год. Ч. I и II. СПб.